

УДК 94(37).09; 94(369.1); 94(363.6)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00015

С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев

О ПРИЧИНАХ НАПАДЕНИЯ ГУННОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА РИМСКУЮ ИМПЕРИЮ В 395 г.*

Главной целью исследования является выявление причин гуннских нападений на Римскую империю в 395 г. Используя метод критического анализа содержания сочинений позднеантичного и раннесредневекового времени, авторы приходят к выводу о возрастающей роли варварского мира Северного Причерноморья в римской внутренней политике в конце IV в. Опустошение гуннами готской Фракии, возможно, было изначально санкционировано римлянами в связи с необходимостью ослабления готов-федератов и улучшения отношений с кочевниками по причине ухода основных римских боеспособных сил на войну против узурпатора Флавия Евгения.

После смерти Феодосия I внутренняя ситуация в империи вновь обострилась в связи с противостоянием Стилихона и Руфина — опекунов молодых и слабых императоров. В ходе этой борьбы Руфин намеренно допустил катастрофическое гуннское нашествие на восточные провинции, стремясь, тем самым, вернуть восточную армию в Константинополь под свое командование и улучшить отношения с гуннами.

Ключевые слова: Феодосий I, Руфин, Стилихон, гунны, готы.

Сведения об авторах: Ярцев Сергей Владимирович¹, доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Зубарев Виктор Геннадьевич², доктор исторических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: ¹2300026, Россия, г. Тула, пр-т Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: ¹s-yartsev@yandex.ru; ²parosta@mail.ru.

S.V. Yartsev, V.G. Zubarev

ON THE REASONS OF THE ATTACK OF THE HUNS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION ON THE ROMAN EMPIRE IN 395

The main purpose of the study is to identify the reasons of the Hunnic attacks on the Roman Empire in 395. Using the method of critical analysis of the content of the works of late Classical and early Medieval times, the authors come to the conclusion about the increasing role of the Barbarian world of the Northern Black Sea region in Roman internal politics at the end of the 4th century. The devastation of Gothic Thrace by the Huns may have been originally sanctioned by the Romans, due to the need to weaken the Goth — federates and to improve relations with the nomads due to the withdrawal of the main Roman combat-ready forces to the war against the usurper Flavius Eugenius.

After the death of Theodosius I, the internal situation in the empire was again aggravated by the confrontation between Stilicho and Rufinus — guardians of young and weak emperors. In the course of this struggle, Rufinus deliberately allowed a disastrous Hun invasion of the eastern provinces, thus seeking to return the Eastern army to Constantinople under his command and to improve relations with the Huns.

Key words: Theodosius I, Rufinus, Stilicho, the Huns, the Goths.

---

* Статья поступила в номер 11 декабря 2020 г.
Принята к печати 29 декабря 2020 г.

About the authors: Yartsev Sergey Vladimirovich¹, Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Zubarev Victor Gennadievich², Dr. habil. (History), Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: ^{1,2}300026, Russia, Tula, 125 Lenin Avenue, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: ¹s-yartsev@yandex.ru; ²parosta@mail.ru.

Нападение гуннов на Римскую империю в 395 г. до сих пор продолжает оставаться актуальной исторической темой. Дело в том, что ученые до сих пор дискутируют по вопросам определения маршрута передвижения и областей, подвергшихся разграблению гуннами в ходе их восточного похода через Кавказские горы (Артамонов 1962: 53; Maenchen-Helfen 1973: 52—57; Frye 1984: 318; Манасерян 2019: 9—10), выявления варварских объединений, принявших участие в нападении на империю (Пигулевская 1941: 37; Гадло 1979: 18; Kazanski, Mastykova 2003: 72; Манасерян 2019: 13—15), а также пытаются сопоставить эти факты с со свидетельствами Приска Панийского и Фавстоza Бузанда (Артамонов 1962: 53; Maenchen-Helfen 1973: 52—57; Frye 1984: 318; Thompson 1999: 31—35; Манасерян 2019: 6—41). Кроме того, все еще не ясны причины гунно-римского конфликта 395 г. Исследователи, в лучшем случае, указывают на голод, поразивший тогда варваров Северного Причерноморья (Артамонов 1962: 54; Maenchen-Helfen 1973: 52). Правда, ссылаются они при этом на Приска Панийского, не приведшего точной датировки событий.

По нашему мнению, обращаясь к теме гунно-римского конфликта 395 г., необходимо учитывать и внутривосточную ситуацию в Римском государстве. Возможно, что ее обострение сыграло свою роль в гуннском нападении. Напомним, что в 392 г. власть в западной части империи была узурпирована Флавием Евгением. Очевидно, что произошедшие тогда события, включая и гибель Валентиниана II, были связаны с ростом властных амбиций представителя высшего командования — магистра армии Аргобаста, франка по происхождению (Zosim, IV, 53—54; Philost., XI, 1; Socr., V, 11; Oros., VII, 35, 10). В любом случае, был ли Валентиниан II убит (Ambr. Ob. Val., 33) или покончил жизнь самоубийством (Ambr. Ob. Theod., 39—40), «теперь Феодосию противостоял противник, который, кроме того, был непобедим из-за храбрости Аргобаста, сочетавшейся со смелостью, добродетельностью и знанием всех слабостей Евгения. Несмотря на утверждения Евгения и собственные сомнения, Феодосий решил незамедлительно привести противника в замешательство и начал приготовления к полномасштабной войне» (Zosim, IV, 55, 1—2; Голдсуорти 2014: 422; Хьюджес 2017: 52).

В сложившейся ситуации Феодосий I был вынужден пойти на уступки готам Алариха и присвоил последнему звание магистра армии. Судя по Зосиму, он получил его еще на стадии подготовки к походу на Запад (Zosim, V, 5, 4). Тем не менее, в дошедшем до нас подробном описании назначений Аларих не упомянут. Главнокомандующим вместе с Тимасием был назначен Стилихон, а «командование над вспомогательными силами варваров было поручено Гайне, Саулу и Бакурию» (Zosim, IV, 57, 2). Это породило мнение, что на самом деле Аларих не получил ни самостоятельного командования, ни поста в римской армии, хотя и предоставил Феодосию I около 20 000 воинов (Вольфрам 2003: 198). Разумеется, с таким мнением трудно согласиться, даже учитывая молодой возраст готского рикса. Учтем, что по сообщению Зосима, Аларих, безусловно, получил желанную командующую должность, но, похоже, несколько позже, чем все остальные. Такая задержка была связана, скорее всего, с нежеланием императора провоцировать гуннов, которые могли напасть на империю во время

ухода боеспособных соединений из пограничных районов на Запад. Однако то, что Феодосий I все же пошел на этот шаг, безусловно, требует аргументированных объяснений.

Начнем с того, что отношения гуннов с римлянами, сильно деградировавшие за последние десятилетия от союзнических до откровенно враждебных, приближались к своей критической точке. Напомним, что еще в планах императора Валента гуннам, пришедшим в Северное Причерноморье, за помощь против грейтунгов и тервингов, скорее всего, было обещаны готские земледельцы в качестве зависимого оседлого населения (Ярцев 2020: 61; Ярцев и др. 2015: 250). Однако вынужденный договор Феодосия I с готами в 382 г. закрепил потерю гуннами значительной части своих людских ресурсов, что не могло не вызвать конфликт номадов уже с римлянами. Очевидно, что, несмотря на попытки компенсировать кочевникам потерю населения, имперские власти были вынуждены обещать гуннам в скором времени вернуть им готов, вытеснив их за Дунай (Ярцев 2020: 62—63).

Тем не менее, после восстания Алариха, в 392 г. с готами был заключен новый договор, закрепивший пребывание варваров на территории империи (Хьюджес 2017: 81). Вряд ли в этом случае Руфин, который проводил переговоры с Аларихом, не принимал во внимание все возрастающую опасность крупномасштабного конфликта с гуннами. Вероятно, кочевникам вновь были даны обещания в скором времени возратить беглое население Северного Причерноморья. Косвенно это прослеживается хотя бы по тому, что гунны не напали на империю в тот же год.

Таким образом, в сложившейся ситуации отправка Феодосием I готских отрядов на Запад против Евгения, на первый взгляд, была невозможна. Тем не менее, судя по участию готов в войне против узурпатора, а также хотя бы по запоздалому назначению Алариха магистром армии, данная проблема явно получила свое разрешение. По-видимому, медлительность с решением готского вопроса была вызвана тем, что особый план, позволяющий увести федератов на Запад и при этом добиться расположения гуннов, возник относительно поздно. Не исключено, что предстоящее нападение гуннов на готскую Фракию было согласовано с римскими властями и планировалось в качестве компенсации кочевникам за потерю ими земледельческого населения. В пользу такой версии свидетельствуют некоторые неясные и противоречивые обстоятельства последующих событий.

Так, обращает на себя внимание то, что среди всех других народов, приславших помощь Феодосию I, Иоанн Антиохийский упомянул и гуннов Фракии, пришедших к императору со своими филархами (John of Antioch., fr. 187). Правда, учитывая фрагментарность и неоднозначность интерпретации дошедшего до нас текста этого сложного источника (Nuffelen 2012: 437—450), можно предположить, что в данном пассаже речь все же изначально шла о готах. Тем более, что гунны отсутствуют в длинном списке народов, которые по Клавдиану приняли участие в походе на Запад. При этом вряд ли есть основания предполагать, что придворный поэт не упомянул гуннов только из-за связи ненавистного им Руфина с кочевниками (Maenchen-Helfen 1973: 49—51).

Если исходить из того, что уход в Италию наиболее боеспособных частей римской армии, в том числе и с приграничных районов, не мог произойти без решения гуннской проблемы, то можно предположить следующее. Возможно, что сведения о предстоящих планах участия кочевников в походе на запад были получены от осведомителя, присутствующего на переговорах с гуннами. Не исключено также, что эта информация была заведомо ложной и распространялась специально с целью усыпления бдительности готов, готовившихся к походу на Запад. Вполне возможно, что дело дошло даже до ложной откочевки каких-то групп кочевников во Фракию, лишь бы только готы не усмотрели ничего

подозрительного. Но после ухода Алариха гунны должны были опустошить римскую территорию, причем только в пределах компактного проживания федератов. В результате мы наблюдаем такую скупость сведений в источниках, не сопоставимую, казалось бы, с информацией о нашествии гуннов на восточные провинции. Вполне возможно, что они должны были выступить в поход после победы Феодосия I над Евгением. Очевидно, что только такая версия договоренностей римлян с гуннами может объяснить противоречия в трактовках последующих событиях.

Заметим, что многотысячные готские отряды Алариха (Iord. Get., 145), ушедшие на Запад, являлись наиболее боеспособной частью римской армии Феодосия I (Вольфрам 2003: 198). При этом варвары, отправляясь на службу, оставляли свои дома и семьи, абсолютно уверенные в их безопасности. С другой стороны, расстановка императором воинских подразделений перед решающей битвой с Евгением свидетельствует о тайной борьбе, которую Феодосий I вел против готов. После тяжелого перехода через сложный перевал Хубль, когда на равнину в долине вышли еще не развернувшиеся императорские колонны, готы были выдвинуты в авангард армии. В этот же день 5 сентября 394 г. в ожесточенном сражении в долине реки Фригид погибла половина авангарда (Socrat., V, 25; Soz., VII, 24; Zosim, IV, 58; Oros., VII, 35; Theod., V, 24; Rufin., II, 33; Ambr. Ob. Theod., 7; Cons. Ital., 394). Из анализа сражения, проведенного Йеном Хьюджесом, очевидно, что в создавшейся ситуации у Феодосия I не оставалось выхода, кроме как лобовой атакой заставить отступить вражеские силы и освободить место в долине для развертывания своих подразделений (Хьюджес 2017: 58). Тем не менее, еще современниками императора было замечено, что если Феодосий I и придерживался в данном походе какой-либо тактики, то, только «предпочитая использовать варварские легионы против врага и рисковать в первую очередь ими» (Zosim, IV, 58, 2).

Следовательно, гибель варваров не являлась случайностью, на что указывает и странный раздел готов на две части в армии Феодосия I. При этом та часть, которая сражалась в авангарде, по какой-то причине оказалась под руководством Гайны (Zosim, IV, 58, 2), который, хотя и являлся готом, но не был знатного происхождения. Х. Вольфрам даже предположил, что тогда сам Аларих оказался в подчинении у Гайны. Это не могло не вызвать раздражение Алариха и его воинов (Вольфрам 2003: 198).

Известно, что в то беспокойное время императорам требовалось много солдат. И их постоянно не хватало. Причем римляне уклонялись и откупались от службы, а на вспомогательные варварские войска вряд ли возлагали большие надежды (Mathisen 2019: 144—145). Но даже в этом случае поражает легкость принесения в жертву императором десяти тысячи варварских воинов — наиболее боеспособной части его армии. Однако все становится понятным, если мы допустим, что в это время шла скрытая война императора и его ближайшего окружения против готов. Ее целью, очевидно, было полное уничтожение готского анклава на территории империи. Римское же участие в организации гуннского нападения на готскую Фракию являлось частью данной общей стратегии. В этом случае целенаправленное ослабление основных готских воинских сил, их разделение и вывод одной из частей из-под командования Алариха являлись необходимыми действиями для удержания ситуации под контролем. Речь, по-видимому, шла о моменте появления известий в Риме о гуннском разграблении Фракии, к которому необходимо было тщательно подготовиться. Нетрудно догадаться, что могли бы натворить в Италии готские отряды, если бы заранее не провести комплекс превентивных мероприятий.

Сейчас трудно сказать, когда же именно произошло нападение гуннов на Балканские провинции: сразу после получения сведений о победе Феодосия I, убийстве Евгения и

самоубийстве Арбогаста (Zosim, IV, 58), или после получения известий о смерти Феодосия I от болезни в Милане 17 января 395 г. (Cons. Const., s.a. 395; Ambr. Ob. Theod., 18; Philost., XI, 2; Socr., V, 26; Zosim, IV, 59, 4). В любом случае, западно-римская элита занималась в это время вопросами преемственности власти, и ей было не до гуннского нашествия. Тем более что Феодосий I не только успел заблаговременно провозгласить «своего сына Гонория императором», но и объявить «Стилихона магистром praesentalis, оставив свою гвардию сыну» (Zosim, IV, 59, 1). Зосим говорит, что все это произошло в Риме, хотя известно, что Гонорий был провозглашен императором еще в 393 г. в Константинополе (Cons. Ital., 1, 298).

Очевидно, что Зосим, как заметил Н.Н. Болгов, путает здесь некоторые события (Болгов 2010: 201, прим. 3). В любом случае, смерть Феодосия I не вызвала никаких сложных процедурных проблем связанных с престолонаследием в империи (Lee 2013: 90). Августом Запада стал Гонорий, опекуном же последнего — Стилихон (Cameron 1970: 38). Возможно, что выбор Стилихона в качестве регента в данной ситуации был обусловлен самим фактом удочерения Феодосием I Серены — дочери его рано умершего брата Гонория (Голдсуорти 2014: 464—465). Ведь на ней был женат Стилихон (Хьюджес 2017: 62—63). Что же касается уточнения статуса такого регента—опекуна, то, похоже, это был не обычный опекун в нашем привычном понимании, а некий высокопоставленный и морально безупречный представитель императорской семьи с возложенной на него ответственностью за попечительство над императором (O'Flynn 1983: 46; Хьюджес 2017: 64).

Любопытно, но в Константинополе перед походом на Рим Феодосий I также оставил несовершеннолетнего «...сына Аркадия уже назначенным императором» (Cons. Const., s.a. 383) под присмотром «Руфина, который в качестве префекта претория вел себя так, как хотел, и имел власть, подобную власти императора» (Zosim, IV, 57, 4). В результате после смерти Феодосия I, когда «империя была разделена на две части», а «братья Аркадий и Гонорий вступили в управление ими» (Marcell. Chron., 395), ситуация в государстве предсказуемо обострилась. Несмотря на все старания Феодосия I, реальная власть в Римской империи оказалась не у его сыновей, а у их опекунов, ненавидевших друг друга. Возможно, что разлад между галлом Руфином и вандалом Стилихоном наметился еще в то время, когда последнему удалось породниться с династией Феодосия I, а у Руфина подобная же операция досадным образом провалилась. Как известно, в отсутствие Руфина, мечтавшего о свадьбе своей дочери с Аркадием, препозит священной опочивальни евнух Евтропий сумел побудить молодого императора остановить выбор невесты на девушке «необычайной красоты» Элии Евдоксии — дочери Баутона (Zosim, V, 3). Считается, что за кулисами этих событий, направленных против Руфина, стоял Стилихон (Болгов 2010: 205, прим. 3).

Как видим, в ситуации, сложившейся в государстве после смерти Феодосия I, у Стилихона появился реальный шанс установить свою власть над всей империей. Видимо с этой целью он «принял командование над всей армией» (Zosim, V, 4, 2) и отправил на Восток вместе с Тимасием только воинов, получивших тяжелые ранения, и поэтому непригодных для несения воинской службы (Liebeschuetz 1990: 150). Тем самым Стилихон сосредоточил под своим командованием настолько мощные силы, что ни один из его противников не мог с ним сравниться (Matthews 1975: 253—283; O'Flynn 1983: 1—24; Williams, Friell 1994: 143—158; Burns 1994: 148—182). С этого времени в империи все сильнее стала намечаться тенденция концентрации всей политической власти в государстве не в руках слабого или несовершеннолетнего императора, а в руках могущественного военачальника (Хьюджес 2017: 70). По-видимому, Стилихон пытался распространить свою власть на Восток, в том числе при помощи специально распространяемых сведений, что якобы «оба императора были поручены ему Феодосием на его смертном одре, и что он должен взять на себя заботу о

них обоих» (Zosim, V, 4, 3). Подобные слухи, скорее всего, имели своей главной целью формирование образа Стилихона как официального представителя императорской династии, на которого якобы еще самим Феодосием I была возложена высочайшая ответственность за судьбы империи. Такой образ, безусловно, развязывал Стилихону руки для более решительных действий по отношению к Востоку. Поэтому не имело никакого значения, что к этому времени Аркадию было 18 лет, причем он уже 11 лет являлся императором. Так что опекун ему не требовался (Болгов 2010: 206, прим. 6).

Тем не менее, Амвросий подтверждает, что Феодосий I в завещании доверил своих обоих сыновей «попечению опекуна, своего близкого родственника, присутствовавшего там» (Ambr. De Obi Theod., 5). Разумеется, сомнительные притязания Стилихона на опекунство над Аркадием нашли свое отражение в словах Амвросия (O'Flynn 1983: 15). Возможно, что объединив под своим командованием две армии, Стилихон праздновал победу (Ferrill 1988: 89—90). Однако после неожиданно полученного отпора от Руфина ему срочно понадобилось доказательство легитимности своих притязаний на власть над обеими частями государства. При этом, даже учитывая тот факт, что действия высокопоставленного опекуна были обусловлены стремлением еще Феодосия I к объединению империи под эгидой своей династии (Хьюджес 2017: 65), Стилихон, явно выходил за рамки этой политики. Очевидно, что его курс носил ярко выраженный характер захвата власти в империи (Williams, Friell 1994: 143), отчасти поддержанный элитой Запада (Хьюджес 2017: 66—67, 74—80).

В центре этого нового сложного обострения внутривосточной ситуации в империи оказался Руфин. Учитывая его крайне уязвимое положение, он фактически оказался беззащитным перед Стилихоном. Чтобы успешно противостоять западной части империи с ее объединенной мощной армией, Руфину необходимо было консолидировать вокруг себя все верные ему силы, и в первую очередь, союзных варваров, воинский потенциал которых, не вызывал сомнений. С этой целью Руфин должен был не только срочно вернуть восточную армию домой, но и заручиться поддержкой Алариха. Последнее было не просто, ведь гунны уже перешли «заледенелый Дунай» (Claud. In Rufin., II, 17), заняли «всю Фракию и стали опустошать целую Европу» (Filostorg., XI, 8).

Разумеется, упоминание Европы в источнике не имеет отношения к реальному положению дел на Балканах (Ивик, Ключников 2018: 94). Предполагать, что под этим наименованием подразумевалась одноименная провинция, также вряд ли имеет смысл. Гунны не могли дойти до Босфора и Мраморного моря, так как такое событие отразилось бы в гораздо большем количестве источников. По-видимому, Европа была добавлена церковным историком с целью усиления трагической масштабности происходящего. Тем более что в это время наблюдались нападения варваров и на другие пограничные провинции, в том числе и на Паннонию (Бугарски, Иванишевич 2012: 491).

Произошло же на самом деле, скорее всего, следующее. Получив необходимые сведения из Римской империи, включая видимо, и сообщение о смерти Феодосия I, гунны, перейдя зимой 394/395 г. по льду замерший Дунай, напали на римские города и поселения. При этом не вызывает сомнений, что орды кочевников имели главной целью своего рейда именно Фракию, которую они совершенно разорили. Как было сказано выше, это было связано с тем обстоятельством, что именно на данной территории по договору 382 г. уже более десятилетия проживали готы, в свое время бежавшие от своих гуннских хозяев. Нетрудно предположить, что произошло с домами и семьями варваров в ходе указанного нашествия. Таким образом, в то время, когда Руфин делал все возможное для появления лично преданной ему армии, с готами у Константинополя наметился серьезный конфликт. При этом погасить его было трудно, так как римлянам нечем было оправдать неспособность

власти, а также обеспечить готам безопасное существование на территории империи в условиях все возрастающей гуннской угрозы (Вольфрам 2003: 200—201). Положение усугублялось и собственно смертью Феодосия I, после которой прекратили действия и все договоры, заключенные с варварами в 382—392 гг. (Вольфрам 2003: 199).

Теперь становится ясно, из-за чего готы взбунтовались, находясь еще в Италии. Ведь именно в это время до них дошли сведения о разграблении гуннами Фракии. Очевидно, что причину массовых волнений варваров нельзя сводить только к желанию федератов улучшить свое положение в Римском государстве или к стремлению Алариха получить возжеленную командную должность (Liebeschuetz 1990: 7—88; Kulikowski 2007: 176—177, 188; Halsall 2007: 187—193; Lee 2013: 110). Гибель воинов в битве у р. Фригид (Хизер 2016: 275) и начавшиеся проблемы с продовольствием только усугубили картину предательства римскими властями федератов, дома которых были открыто сданы гуннам. Очевидно, что именно эта измена и вывела варваров из себя. На обратном пути на Восток, готы вынуждены были производить изъятие продуктов питания у местного населения силой. Возможно, что запасы для восточной армии действительно были рассчитаны для следования только в один конец. В любом случае, движение готов через обе Иллирии, включая Далмацию, превратилось в открытый грабеж жителей римских провинций (Claud. In Rufin., II, 70, 179; Вольфрам 2003: 199; Хизер 2016: 276). Даже Руфин, когда увидел «Алариха взбунтовавшимся и, разъярившись, отстранил его от командования армией», оставив «последнему только варваров Феодосия, пожалованных за помощь в свержения тирана Евгения» (Zosim, V, 5, 4).

С одной стороны, Руфин обязан был это сделать с целью сохранения своего авторитета в империи. С другой стороны, опекун Аркадия предпринял эти действия, когда готы находились еще в Италии, на что прямо указывает наш источник: «отстранил его от командования армией» (Zosim, V, 5, 4). Поэтому не исключено, что это было сделано специально, так как только Стилихон на фоне острого конфликта Алариха и Руфина смог отпустить готские отряды домой на Восток. В связи с этим заманчиво предположить, что и гуннское нападение на Фракию было также спровоцировано Руфином с подобной же целью (например, используя категорический отказ производить гуннам соответствующие выплаты). Однако возврат готов на Восток, безусловно, грозил Константинополю серьезными осложнениями. Поэтому если Руфин и старался вернуть готов домой, то он вряд ли мог предпринять что-то более существенное, чем организацию показательного скандала с Аларихом. Когда же готы, отпущенные Стилихоном, все же отправились на Восток, то Руфин «тайно сообщал Алариху о том, что все ожидаемое им становится действительностью, и побуждал его привести с собой варваров и все прочие имеющиеся у него силы» (Zosim, V, 5, 4). При этом опекун Аркадия не мог не понимать, что заставить перейти готов на его сторону было возможно только в результате улучшения условий их пребывания в империи, а также, проведения меропрятий по достижению эффективной защиты федератов и их семей.

Нам представляется, что у Руфина на этот счет не было особого выбора. Ведь ослабление готских федератов представлялось для него гораздо большей опасностью, чем гуннский грабеж римских провинций. Дело в том, что в сложившейся ситуации готы Алариха являлись единственно мощной боеспособной силой на Востоке. Так что они могли защитить Руфина от происков и возможных враждебных действий Стилихона. Но т.к. готская проблема неразрывно была связана с кризисом взаимоотношений гуннов с Римской империей, то необходимо было, в первую очередь, разрешить именно его. Тем более что Руфин определенно имел прямые выходы на кочевников, т.к. уже проводил с ними переговоры (Liebeschuetz 1990: 52).

Так что не стоит удивляться тому, что накануне интересующих нас событий у Руфина появилась личная гвардия телохранителей — гуннов (Claud. In Rufin., II, 76; Chron. Minor., 650, 34). Возможно, он выпросил отряд букеллариев у Феодосия I перед самым отъездом императора на Запад в противовес существовавшей подобной группе наемников у Стилихона (Хьюджес 2017: 81—82). Во всяком случае, контакты с миром кочевников Придунавья и Северного Причерноморья у Руфина были хорошо налажены, и он вполне мог в случае необходимости ими воспользоваться. В этой связи заманчиво выглядят свидетельства современников, упрекающие Руфина в организации гуннского вторжения в восточные римские провинции в 395 г.

Разумеется, некоторые из ученых скептически относятся к данной версии. Ведь обвинения Руфина в стремлении к тирании, а также в том, что он «призвал в римскую область варварский народ гуннов, которые около того времени опустошили Армению и другие восточные земли» (Socr. Schol., VI, 1), были успешно использованы Стилихоном с целью уничтожения своего опасного противника. Такая позиция хорошо прослеживается по сочинениям Клавдиана — придворного поэта Стилихона, который по долгу службы должен был очернять всех недругов своего патрона (Ивик, Ключников 2018: 94—95). Одно только то, что именно Клавдиан являлся главным рупором версии о призвании Руфином варваров на римские земли (Claud. In Rufin., II, 17—18, 22—25), справедливо вызывает недоверие к этой информации. Но невозможно не признать тот факт, что только масштабное нападение гуннов на восточные провинции империи могло реально укрепить власть Руфина. Во-первых, серьезное осложнение положения на восточных рубежах империи должно было побудить Стилихона вернуть восточную армию в Константинополь. В этом случае, разумеется, она перешла бы в полное подчинение Руфина. Во-вторых, победоносная война против гуннов должна была поднять авторитет последнего, особенно в армии, которую он, вероятно, хотел возглавить. В-третьих, если главной целью восточного похода являлся захват людей и переселение их на контролируемые гуннами земли, то это могло являться своеобразной компенсацией кочевникам за потерю готов, которых римская сторона приняла на свою территорию. Возможно, только тогда гунны могли пообещать оставить в покое федератов и заключить новый мир с империей.

Исходя из всех этих доводов, мы склоняемся к мнению, что только на основании конфликта Стилихона с Руфином полностью реабилитировать и отделить последнего от всей этой закулисной борьбы и тайных интриг категорически нельзя. Конечно, трудно согласиться с версией, что Руфин поднял восстание против Аркадия и поэтому призвал гуннов к себе на помощь (Гадло 1979: 17; Габуев 2009: 273). Однако после смерти Феодосия I и разорении гуннами готской Фракии, кочевники могли выставить ультиматум Руфину и вновь потребовать от него возвращения всех оставшихся готов или компенсации потери населения другими людскими ресурсами. Может быть, именно поэтому Руфин был вынужден откупиться от гуннов населением далеких восточных провинций, тем более что варварское нашествие на удаленные от столицы земли вряд ли могло вызвать опасный для него широкий общественный резонанс.

Таким образом, вторжение гуннов на территорию Римской империи в 395 г. можно трактовать как скоординированное нападение двух больших гуннских группировок (Манасерян 2019: 13). Это свидетельствует о провале римской политики по преднамеренному разделению и противопоставлению акациров другим гуннским объединениям (Ярцев 2020: 67), районы кочевания которых хорошо прослеживаются по археологическим данным (Казанский, Мастыкова 2009: 114—126). Однако не исключено, что между первым и вторым походами гуннов прошло некоторое время. Считается, что

восточный поход мог начаться тогда же зимой 394/395 г. или же немного позже (Ивик, Ключников 2018: 96). Действительно, исходя из логики событий, после первого нападения гуннов на Фракию между ними и римлянами должны были состояться переговоры, обусловленные ситуацией в государстве после смерти Феодосия I. Косвенно на факт таких переговоров указывает прекращение гуннских рейдов на Балканские провинции империи. Хотя восстание Алариха, казалось бы, этому способствовало.

Некоторые особенности восточного похода также подтверждают вывод о наличии договоренностей гуннов с римскими властями. Поход состоялся, судя по источникам, не позже 707 г. селевкидской эры (395/396 г.) (Ios. Styl., 9), а точнее в месяце Таммузе 706 г. селевкидской эры (июль 395 г.) (Chron. Edess., XL). Иногда, правда, опираясь на дату поздней хроники XIII в. Бар-Эбрея, восточный поход гуннов относят к 397 г. (Засецкая 1994: 143), или даже продлевают его до указанной даты (Ивик, Ключников 2018: 275, прим. 283). В любом случае, именно в 395 г., вероятней всего сразу после опустошительного набега на Фракию и переговоров с римлянами, гунны напали на восточные провинции Римской империи. При этом в поход выступили как гунны Северного Причерноморья, которые «перейдя через реку Танаис» вторглись «в восточные области» (Philost., XI, 8), так и гунны, кочевавшие в Предкавказье (Kazanski, Mastykova 2003: 72). Н.В. Пигулевская и Р.Л. Манасерян предполагают, что участниками похода, помимо европейских гуннов, могли быть и хиониты, переместившиеся в это время из Приаралья в Предкавказскую степь и получившие в источнике название «белые гунны» (Пигулевская 1941: 37; Манасерян 2019: 12—16). В любом случае, трудно согласиться с мнением А.В. Гадло, что поход 395 г. совершили исключительно гунны Предкавказья, а Танаис, который перешли гунны, это не Дон, а Фасис (Риони) (Гадло 1979: 18; Манасерян 2019: 14, прим. 1).

Конечно, отдельные территории Северо-Восточного Причерноморья могли перейти под власть гуннов с разрешения Боспора и Рима еще до указанных событий. Например, в предшествующий период улучшения отношений с кочевниками акацирами (как вариант, за помощь в подавлении мятежа на Боспоре) (Ярцев 2020: 67). Однако нам представляется, что к 395 г. гуннами контролировались не все районы Предкавказья. Некоторые из них могли быть захвачены только в ходе восточного похода, после непосредственного перехода Танаиса основными гуннскими силами, когда «весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом» (Hier. Ep., 77, 8). В дальнейшем именно из этих северокавказских районов «Каспийским проходом, по неоткрытым тропам, сквозь армянские снежные кручи» (Claud. In Rufin., II, 26—36), кочевники подвергнут опустошению Армению, Каппадокию, Киликию и Сирию. Судя по источникам, гунны двигались «в восточные области, через Великую Армению ворвались в так называемую Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Келесирии, и, пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей ...» (Philost., XI, 8). Для местного населения это были самые настоящие «северные волки», которые в относительно короткое время смогли ограбить «столь обширные провинции». Была даже «осаждена Антиохия и остальные города, которые омывают Галис, Кидн, Оронт и Евфрат ...» (Hier. Ep., 60, 16). Более того, «повсюду шел согласный слух, что они направлялись к Иерусалиму», гонимые своей страшной жадностью «к золоту» (Hier. Ep., 77, 8).

Тем не менее, несмотря на масштабность такого нападения, источники свидетельствуют, что гунны подвергли грабежу только собственно римские провинции и Вторую Армению с

центром в Мелитине. Эта часть Армении по римско-иранскому договору 387 г. отошла к империи и непосредственно находилась под управлением римской администрации с 391 г. (Манасерян 2019: 12). В этой связи трудно не согласиться с Р.Л. Манасеряном, что в своем продвижении гунны сознательно обошли земли, находившиеся под протекторатом Персии, по-видимому, учитывая великодержавные интересы Сасанидов. По этой причине подробности данного нападения 395 г., которые нам известны из всего комплекса источников, вступают в серьезные противоречия с походом гуннов во главе с Басихом и Курсихом на Мидию из рассказа Приска, не позволяя отождествить эти события (Артамонов 1962: 53; Maenchen-Helfen 1973: 52—57; Манасерян 2019: 6—41). В пользу того, что Сасаниды не только не были затронуты этим нашествием, но в какой-то мере поспособствовали ему, также свидетельствует ценное наблюдение Н.В. Пигулевской. Она обратила внимание, что в угрозе шаханшаха Пероза, апеллирующего к прошлым событиям (Ios. Styl., 9), явно просматриваются антиримские враждебные действия со стороны Ирана, гарнизоны которого, судя по контексту, намеренно пропустили варваров через горный проход в 395 г. (Пигулевская 2011: 245).

Кроме того, источники гуннского похода 395 г. ничего не говорят о вторжении кочевников в аланские районы Центрального Кавказа (Габуев 2009: 272). Существует версия, что гунны в ходе этого похода специально не затрагивали алан (Габуев 2009: 275). В это трудно поверить, ведь необходимо учитывать известную путаницу у древних авторов с «Каспийскими воротами», наименование которых иногда могло применяться и к Дарьяльскому ущелью Центрального Кавказа (Перевалов 2001: 282—289; Пигулевская 2011: 244). Но если последний проход, известный как «Ворота Алан», вследствие ошибочного книжного определения действительно мог называться «Каспийскими воротами» (Туаллагов 2018: 266—268), то варварские отряды в 395 г. вполне могли пройти и через него (Kazanski, Mastykova 2003: 72). Отчасти это подтверждается дошедшими до нас сведениями о переговорах римлян с персами при Феодосии I с целью срочного возведения укреплений сразу в двух опасных горных районах Дербента и Дарьяла (Minorsky 1958: 87, n. 2). Заметим, что необходимость в таких крепостях у римлян могла возникнуть только после обострения отношений с гуннами в начале 90-х гг. IV в., в связи с заключением нового договора с Аларихом в 392 г.

Таким образом, не таким уж неправдоподобным представляется нам предположение А.В. Гадло, о существовании в конце IV в. на территории между Дербентом и рекой Терек (протекающей и по Дарьяльскому ущелью), племенного союза со смешанным гуннским и аланским населением (Гадло 1979: 26). Конечно, исходя из современного состояния источников, подтвердить или опровергнуть данную гипотезу чрезвычайно трудно. Однако необходимо отметить, что кавказские аланы в конце IV в. явно находились в каких-то договорных отношениях с гуннами. Раннеаланская культура, получившая свое развитие еще со II в., к концу IV в. занимала огромную территорию, начиная с современного Грозного на востоке, районов Кабардино-Пятигорья на западе, Дарьяльского перевала на юге и Георгиевска и Новопавловска на севере. Поэтому логично предположить, как это справедливо сделал Т.А. Габуев, что при осуществлении гуннской экспансии на указанное население, в первую очередь, должны были пострадать пограничные аланские городища. Но, как известно, этого не произошло. Даже непосредственные районы, примыкающие к Дарьяльскому проходу, через который, как достоверно известно, гунны совершали свои нападения в первой половине V в., также не несут следов захватов и разрушений (Габуев 2011: 60).

Но если предположить, что в 395 г. на восточные римские провинции напала довольно мощная варварская группировка сразу нескольких воинственных народов Северного Причерноморья и Предкавказья во главе с гуннами, то возникает вопрос о главной стратегической задаче такой хорошо спланированной военной операции, сплотившей различных варваров в единую мощную боевую силу. Очевидно, что такую цель трудно свести исключительно к насилию и грабежу. Удивительно, но наши источники довольно определенно указывают, что, несмотря на «избиение» гуннами местного населения (Philost., XI, 8), кочевников в нападении 395 г., в первую очередь, интересовал захват людей (Maenchen-Helfen 1973: 55—56). Именно поэтому ими были «уведены целые толпы пленных» (Hier. Ep., 60, 16), а многие земли просто обезлюдели (Пигулевская 1941: 39). Даже спустя несколько десятилетий персы помнили масштаб «опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 707 г. [395/6 г.] в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия великого, когда вся Сирия находилась в их руках» (Jos. Styl., 9; Пигулевская 2011: 600).

В этой связи заметим, что гунны, так нуждающиеся в зависимом земледельческом населении, не напали с этой целью на ближайший к ним Боспор. Прекращение функционирования некоторых варварских могильников в Предгорном Крыму, как и локальные разрушения на Азиатском Боспоре (Фанагория) в это время, могли быть связаны с иными событиями (Ярцев 2020: 64—65). Учитывая то, что основными объектами нападения для гуннов в 395 г. стала империя и римский мир в целом, отсутствие следов масштабной экспансии на земли Херсонеса и Боспора, по примеру безжалостных военных рейдов по восточным провинциям, вызывает, по меньшей мере, удивление. Все это лишний раз свидетельствует в пользу существовавшей договоренности между гуннами и Руфином, в которой допускался увод варварами в плен части населения восточных провинций в качестве компенсации за ушедших от кочевников на территорию империи готов. Очевидно также, что гуннское нападение на Боспор не позволяло Руфину добиться его главных стратегических целей. Только масштабное гуннское нашествие на римские провинции не оставляло Стилихону никаких шансов на продолжение политики удерживания под своим командованием восточной армии, которую теперь необходимо было срочно отправлять домой. С ее же возвращением и нормализацией отношений с готами-федератами, что, безусловно, планировалось в самой ближайшей перспективе, Руфин, не просто укреплял свою власть, но становился практически неуязвимым для Стилихона.

К сожалению, объективной оценке реального положения дел в империи в этот непростой период мешает тенденциозность некоторых источников. Причем если Клавдиан в своей безудержной критике Руфина явно действовал в русле политического курса Стилихона, направленного на захват власти во всей империи, то другие, такие как Зосим или Евнапий, определенно отражали протестные настроения внутренней оппозиции Востока. Считается, что оппозиционно к Руфину были настроены отдельные городские круги, связанные с отживающим полисным строем, а также аристократы, находившиеся под давлением со стороны новой служилой знати (Козлов 1976: 71). На примере сочинения Клавдиана мы видим, что Стилихона и Руфина придворный поэт изображает в качестве двух противостоящих сил, силы тьмы и света: лучезарного Аполлона, освободителя человечества, и ужасного Пифона, бича мира. Действительно сложно в таком карикатурном портрете Руфина увидеть свидетельства позволяющие составить объективную картину происшедших тогда событий (Bury 1923: 113). Не удивительно поэтому, что Руфина иногда даже наделяют чертами тирана, пытающегося захватить императорский трон (Philost., XI, 3). Но с другой стороны, не будем забывать и о довольно широком распространении в то время слухов о

Руфине как о человеке, реально впустившем в империю гуннов. При этом заметим, что такая информация была в ходу как на Западе, так и на Востоке (Maenchen-Helfen 1973: 56). Сократ Схоластик и Созомен именно призыванием гуннов оправдывают заговор Стилихона против Руфина, завершившийся убийством последнего 27 ноября 395 г. (Socr., VI,I; Soz., VIII, 1). Подобное же обвинение выдвигает и Иешуа Стилит в своей хронике, частично восходящей к иранским источникам (Пигулевская 2011: 59). Согласно данному сочинению, гуннское опустошение восточных провинций «и увод в рабство», произошел «благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая» (Jos. Styl., 9; Пигулевская 2011: 600).

Конечно, все эти свидетельства вполне могут как отражать реальную связь Руфина с гуннами, напавшими на империю в 395 г., так и быть откровенной ложью, призванной очернить всемогущего опекуна в глазах общественности. Однако то обстоятельство, что гуннское нашествие действительно могло спасти Руфина от нависшей над ним угрозы со стороны Стилихона, и, соответственно, было крайне ему выгодно, не позволяет нам игнорировать категорические утверждения указанных авторов. Ближе к истине на этот счет, скорее всего, высказался Орозий, пояснив, что совершаемое Руфином и Стилихоном «объясняет цель каждого из них: один для себя стремился добыть царское положение, другой для сына своего. Для этого один впустил варварские племена, другой этому содействовал, чтобы во время внезапной сумятицы нужда государства скрыла их преступные замыслы» (Oros., VII, 37). Другими словами, если в ходе борьбы друг с другом, один могущественный опекун допустил варварское нашествие на свои земли, то другой с успехом использовал это в своей пропагандистской кампании.

Таким образом, нападение гуннов Северного Причерноморья на римское государство в 395 г. объясняется особенностями внутривосточной борьбы в империи в данный период. Опустошение гуннами Фракии, возможно, было изначально санкционировано римлянами с целью ослабления готов—федератов и нормализации отношения с кочевниками, ставших особенно актуальными в результате ухода основных боеспособных римских сил на Запад. Последующий гуннский поход на восточные провинции Римской империи, явно не получивший достойного отпора от Руфина, скорее всего, был допущен им по причине резко изменившейся внутривосточной ситуации в империи после смерти Феодосия I. Теперь, когда вся власть в империи сосредоточилась у Стилихона на Западе и Руфина на Востоке, в борьбу между ними был вовлечен и варварский мир Северного Причерноморья, обладающий огромным военным потенциалом. Но использовался этот потенциал каждой из враждующих сторон по-своему. Не вызывает сомнений, что Руфин только благодаря катастрофическому гуннскому нашествию на восточные провинции мог вернуть восточную армию в Константинополь, улучшить отношения с гуннами, а также заручиться в перспективе поддержкой готов Алариха. Тем самым Руфин укреплял свое положение в государстве, особенно в противостоянии с внутренней оппозицией и в борьбе со Стилихоном, от которого становился полностью независимым. Стилихон же данное нападение гуннов умело направил против своего оппонента, максимально очернив его в глазах римского общества, тем самым, подготовив операцию по его физическому устранению.

Литература

- Артамонов М.И. 1962. *История хазар*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
Болгов Н.Н. (изд.). 2010. *Зосим. Новая история*. Белгород: БелГУ.
Бугарски И, Иванишевич В. 2012. Пограничье Римской империи и варваров: система обороны империи от Куция до Ледераты. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная*

- зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 482—511.
- Вольфрам Х. 2003. *Готы*. Санкт-Петербург: Ювента.
- Габуев Т.А. 2009. Аланы и гунны на Северном Кавказе. *НАВ* 10, 272—279.
- Габуев Т.А. 2011. Об ареале раннеаланской культуры и алано-гуннских взаимоотношениях. *Вестник Дагестанского научного центра* 43, 58—63.
- Гадло А.В. 1979. *Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.* Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Голдсуорти А. 2014. *Падение Запада. Медленная смерть Римской империи*. Москва: АСТ.
- Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.)*. Санкт-Петербург: АО «Эллипс».
- Ивик О., Ключников В. 2018. *Гунны*. Москва: Ломоносовь.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В. 2009. «Царские» гунны и акациры. В: Фурасьев А.Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 114—126.
- Козлов А. С. 1976. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг. *АДСВ* 13, 68—82.
- Манасерян Р.Л. 2019. *Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом*. Санкт-Петербург: Алейтейя.
- Перевалов С.М. 2001. Арриан у ворот Кавказа. *ПИФК* X, 282—289.
- Пигулевская Н.В. 1941. *Сирийские источники по истории народов СССР*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Пигулевская Н.В. 2011. *Сирийская средневековая историография: исследования и переводы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Туаллагов А.А. 2018. Дарьял — «ворота алан». *Nartamongae* XIII(1—2), 249—308.
- Хизер П. 2016. *Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы*. Москва: Центрполиграф.
- Хьюджес Й. 2017. *Стилюхон. Вандал, который спас Рим*. Москва: Клио.
- Ярцев С.В. 2020. Военно-политическая стратегия императора Феодосия I в Северном Причерноморье. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»* 9, 61—67.
- Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015. *Греко-варварский Крым в период поздней античности (III—IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе)*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.
- Burns T. 1994. *Barbarians within the gates of Rome: a study of Roman military policy and the barbarians, ca. 375—425 A.D.* Bloomington: Indiana University Press.
- Bury J. 1923. *History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian*. Vol. II. London: Macmillan.
- Cameron A. 1970. *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*. Oxford: Clarendon Press.
- Ferrill A. 1988. *The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation*. London: Thames & Hudson.
- Frye R. 1984. *The History of Ancient Iran*. München: C.H. Beck.
- Halsall G. 2007. *Barbarian Migrations and the Roman West 376—568*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kazanski M., Mastykova A. 2003. *Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier—VIIe siècle apr. J.-C.)*. Paris: Éditions Errance (Collection des Hespérides).
- Kulikowski M. 2007. *Rome's Gothic Wars: From the Third Century to Alaric (Key Conflicts of Classical Antiquity)*. Baltimore: Cambridge University Press.
- Lee D. 2013. *From Rome to Byzantium AD 363 to 565: The Transformation of Ancient Rome*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Liebeschuetz J.H.W. 1990. *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press.
- Maenchen-Helfen O. 1973. *The World of the Huns: studies in their history and culture*. Berkeley: University of California Press.
- Mathisen R.W. 2019. The End of the Western Roman Empire in the Fifth Century CE: Barbarian Auxiliaries, Independent Military Contractors, and Civil Wars. In: Lenski N. (ed.). *The Fifth century: Age*

- of transformation *Proceedings of the 12th Biennial Shifting Frontiers in Late Antiquity Conference*. Bari: Edipuglia, 137—156.
- Matthews J. 1975. *Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364—425*. Oxford: Clarendon Press.
- Minorsky V. 1958. *A History of Sharvān and Darband in the 10th — 11th centuries*. Cambridge: W. Heffer & sons LTD.
- Nuffelen P.V. 2012. John of Antioch, inflated and deflated. Or: How (not) to Collect Fragments of Early Byzantine Historians. *Byzantion* 82, 437—450.
- O'Flynn J. 1983: *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Alberta: The University of Alberta Press.
- Thompson E.A. 1999. *The Huns includes a revised afterword by Peter Heather*. Oxford: Wiley.
- Williams S., Friell G. 1994. *Theodosius: The Empire at Bay*. London: Batsford.

References

- Artamonov, M.I. 1962. *Istoriia khazar (History of the Khazars)*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Bolgov, N.N. (ed.). 2010. *Zosim. Novaya istoriya (Zosimus. New History)*. Belgorod: BelGU (in Russian).
- Bugarski, I, Ivanishevich, V. 2012. In: Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples)*. Tula: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik “Kulikovo pole”, 482—511 (in Russian).
- Volfram, Kh. 2003. *Goty (The Goths)*. Saint Petersburg: Iuventa (in Russian).
- Gabuev, T.A. 2009. In *Nizhnevolzhskii arkhеologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Academic Periodical)* 10, 272—279 (in Russian).
- Gabuev, T.A. 2011. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Academic Periodical of the Dagestan Scientific Center)* 43, 58—63 (in Russian).
- Gadlo, A.V. 1979. *Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IV—X vv. (Ethnic History of North Caucasus of 4th — 10th Centuries)*. Leningrad: Leningradskiy universitet (in Russian).
- Goldsuorti, A. 2014. *Padenie Zapada. Medlennaia smert Rimskoi imperii (The Fall of the West. The Slow Death of the Roman Empire)*. Moscow: AST (in Russian).
- Zasetskaia, I.P. 1994. *Kultura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV—V vv.) (The Culture of Nomads of the Southern Russian Steppes in the Hunnic Era (Late 4th — 5th centuries)*. Saint Petersburg: AO “Ellips” (in Russian).
- Ivik, O., Kliuchnikov, V. 2018. *Gunny (The Huns)*. Moscow: Lomonosov (in Russian).
- Kazanskii, M.M., Mastykova, A.V. 2009. In: Furasev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem (The Huns, the Goths and the Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 114—126 (in Russian).
- Kozlov, A.S. 1976. In *Antichnaia drevnost i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 13, 68—82 (in Russian).
- Manaserian, R.L. 2019. *Gunny v otnosheniakh s Blizhnim Vostokom i Rimskim Zapadom (The Huns in the Relations with the Middle East and the Roman West)*. Saint Petersburg: Aleiteiia (in Russian).
- Perevalov, S.M. 2001. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of History, Philology, Culture)* X, 282—289 (in Russian).
- Pigulevskaia, N.V. 1941. *Siriiskie istochniki po istorii narodov SSSR (Syrian Sources on the History of the Peoples of the USSR)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Pigulevskaia, N.V. 2011. *Siriiskaia srednevekovaia istoriografiia: issledovaniia i perevody (Syriac Medieval Historiography: Studies and Translations)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Tuallagov, A.A. 2018. In *Nartamongae XIII(1—2)*, 249—308 (in Russian).
- Khizer, P. 2016. *Velikie zavoevaniia varvarov. Padenie Rima i rozhdenie Evropy (The Great Conquests of the Barbarians. The Fall of Rome and the Birth of Europe)*. Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).
- Khiudzhes, I. 2017. *Stilikhon. Vandal, kotoryi spas Rim (Stilicho. The Vandal Who Saved Rome)*. Moscow: Klio (in Russian).
- Yartsev, S.V. 2020. In *Sovremennaia nauka: Aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya “Gumanitarnye nauki” (Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series “Humanitarian Sciences”)* 9, 61—67 (in Russian).

- Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Butovskii, A.Iu. 2015. *Greko-varvarkii Krym v period pozdnei antichnosti (III—IV vv. n.e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Adrianopole) (Greek-barbarian Crimea in the Period of Late Antiquity (3rd — 4th Centuries CE: From Sea Campaigns to the Battle of Adrianople))*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).
- Burns, T. 1994. *Barbarians within the gates of Rome: a study of Roman military policy and the barbarians, ca. 375—425 A.D.* Bloomington: Indiana University Press.
- Bury, J. 1923. *History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian*. Vol. II. London: Macmillan.
- Cameron, A. 1970. *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*. Oxford: Clarendon Press.
- Ferrill, A. 1988. *The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation*. London: Thames & Hudson.
- Frye, R. 1984. *The History of Ancient Iran*. München: C.H. Beck.
- Halsall, G. 2007. *Barbarian Migrations and the Roman West 376—568*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kazanski, M., Mastykova, A. 2003. *Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier—VIIe siècle apr. J.-C.)*. Paris: Éditions Errance (Collection des Hespérides).
- Kulikowski, M. 2007. *Rome's Gothic Wars: From the Third Century to Alaric (Key Conflicts of Classical Antiquity)*. Baltimore: Cambridge University Press.
- Lee, D. 2013. *From Rome to Byzantium AD 363 to 565: The Transformation of Ancient Rome*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Liebeschuetz, J.H.W. 1990. *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press.
- Maenchen-Helfen, O. 1973. *The World of the Huns: studies in their history and culture*. Berkeley: University of California Press.
- Mathisen, R.W. 2019. The End of the Western Roman Empire in the Fifth Century CE: Barbarian Auxiliaries, Independent Military Contractors, and Civil Wars. In: Lenski, N. (ed.). *The Fifth century: Age of transformation Proceedings of the 12th Biennial Shifting Frontiers in Late Antiquity Conference*. Bari: Edipuglia, 137—156.
- Matthews, J. 1975. *Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364—425*. Oxford: Clarendon Press.
- Minorsky, V. 1958. *A History of Sharvān and Darband in the 10th — 11th centuries*. Cambridge: W. Heffer & sons LTD.
- Nuffelen, P.V. 2012. John of Antioch, inflated and deflated. Or: How (not) to Collect Fragments of Early Byzantine Historians. *Byzantion* 82, 437—450.
- O'Flynn, J. 1983. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Alberta: The University of Alberta Press.
- Thompson, E.A. 1999. *The Huns includes a revised afterword by Peter Heather*. Oxford: Wiley.
- Williams, S., Friell, G. 1994. *Theodosius: The Empire at Bay*. London: Batsford.